

КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННЫХ *MEMORY STUDIES* (на примере трудов Дж. Винтера)

С.А. Снигирев

Аннотация. С развитием во второй половине XX века когнитивных наук у гуманитариев появились новые исследовательские возможности. В том числе наметились тенденции использования достижений когнитивных наук в рамках *memory studies*. Такие эвристические концепты, как когнитивные схемы, ментальные модели, схематизация и конденсация как механизмы памяти, означивание и достраивание памяти, эксплицитная и имплицитная память, а также семантическая, автобиографическая и эпизодическая и др., позволяют историкам не только взглянуть на изучение исторической, коллективной и социальной памяти по-новому, но и заняться верификацией собственных построений. Примером рабочего синтеза между когнитивными науками и историей являются труды американского исследователя Дж. Винтера, посвященные памяти британцев о Первой мировой войне. Опираясь на обозначенные выше концепты, а также вводя понятие травмы и контузии в мемориальные исторические исследования, Дж. Винтеру удалось по-новому взглянуть на значение Первой мировой в процессе формирования культурной и исторической памяти в Великобритании.

Ключевые слова: когнитивные науки, *memory studies*, когнитивный поворот, межвоенная Великобритания, травма, память, Дж. Винтер.

Для цитирования: Снигирев С.А. Когнитивный поворот в современных *memory studies* (на примере трудов Дж. Винтера) // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 294–305. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-294-305

294

COGNITIVE TURN IN MODERN *MEMORY STUDIES* (On the Example of J. Winter's Works)

S.A. Snigirev

Abstract. With the development of the cognitive sciences in the second half of the 20th century, new research possibilities for the representatives of the humanities emerged. Among other things, the possibilities of using the achievements of the cognitive sciences in *memory studies* have become evident. Such heuristic concepts as cognitive schemas, mental models, schematization and condensation as mechanisms of memory, signification and completion of memory, explicit and implicit memory, and semantic, autobiographical and episodic memory, etc., allow historians not only to look at the study of historical, collective and social memory in a new way, but also to engage in

© Снигирев С.А., 2022



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

verification of their own constructions. An example of a working synthesis between cognitive sciences and history are the works of American researcher J. Winter, devoted to the memory of the British about the First World War. Based on the above concepts, as well as introducing the concept of trauma and confusion into memorial historical research, J. Winter managed to take a new look at the significance of the First World War in the process of forming cultural, historical memory in Great Britain.

Keywords: *cognitive sciences, memory studies, cognitive turn, interwar Great Britain, trauma, memory, J. Winter.*

Cite as: Snigirev S.A. Cognitive Turn in Modern *Memory Studies* (On the Example of J. Winter's works). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 4, part 2, pp. 294–305. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-294-305

Введение

Во второй половине XX в. в гуманитарном научном пространстве произошли значительные изменения, заставившие посмотреть на традиционные вопросы и некоторые новые явления при помощи научного аппарата других дисциплин. Данные изменения были названы «методологическими поворотами», самыми заметными среди которых стали антропологический, лингвистический, пространственный, когнитивный и мемориальный повороты. Каждый из них маркировал не только появление нового вопросника, но и новой оптики и методологии, давая свой ответ на вызовы времени и открывая новые исследовательские горизонты. В том числе — благодаря продуктивному взаимодействию между ними, например, когнитивного и мемориального поворотов.

Данное взаимодействие стало возможным, с одной стороны, вследствие качественного прорыва в сфере когнитивных наук, которые в последние десятилетия преимущественно нейронаук превратились в новую трансдисциплинарную область, сосредоточившую свое внимание на т. н. социальном и культурном мозге, т. е. отошли от первоначального понимания когнитивных процессов как обусловленных исключительно мозговой деятельностью. В результате социальный и культурный контексты стали рассматриваться ими

не просто как внешние триггеры к когнитивным процессам, а как их активные участники. С другой стороны — вследствие попыток *memory studies* связать различные виды исторической памяти с естественными процессами запоминания / забвения, существенно ограниченными работой головного мозга.

В данной статье ставится задача проанализировать возможности и каналы рабочего синтеза между когнитивным и мемориальным поворотами и результатами их влияния на область *memory studies*, в том числе на примере трудов американского историка, специалиста в изучении культурной и исторической памяти Джея Винтера.

Когнитивный поворот и *memory studies*

Зарождение когнитивной науки происходит во второй половине 1950-х гг., а условным днем ее рождения считается 11 сентября 1956 г. — дата симпозиума по проблемам переработки информации, состоявшегося в Массачусетском технологическом институте. В тот исторический день были зачитаны три доклада, конституировавшие когнитивную науку как область междисциплинарных исследований. Первый доклад был сделан психологом Д. Миллером, и в нем была представлена модель кратковременной

памяти, определившая представления когнитивной психологии, по меньшей мере, на два десятилетия [1]. Второй — лингвистом Н. Хомским [2], противопоставившим две модели языков. Третий — математиком А. Ньюэллом, описавшим работающую программу, которая перевела логику рассуждений Б. Рассела в математическую модель [3]. Некоторые исследователи полагают, что именно здесь был заложен «единый междисциплинарный подход», в рамках которого появилась возможность широкого обмена научными результатами между учеными различных областей, работавших с когнитивной проблематикой [4, с. 152].

Для историков в целом и представителей *memory studies* в частности особое значение, конечно, имели идеи Д. Миллера, впоследствии развитые и дополненные. По мере разворачивания мемориального поворота в центре внимания исследователей оказались механизмы формирования исторических представлений в массовом сознании и их трансляция последующим поколениям. Довольно быстро в исторической науке возникли такие понятия, как историческая память, социальная память, культурная память, однако чем дальше историки углублялись в эту проблематику, тем больше осознавали их сложность.

Одним из насущных оказался вопрос о «месте расположения» памяти — внутри человеческого мозга или в психике. В последнем случае актуальным становился вопрос о разнообразных внешних триггерах (звуки, слова, запахи, изображения и др.), которые могли запускать процессы запоминания / воспоминания. Именно в таком ключе исследование феномена памяти историками сближалось с тем, что предлагали представители естественных наук. Тем не менее, оказалось, что работы представителей нейронаук тоже могут

оказаться весьма полезными, например, при изучении автобиографической памяти. Не менее важным оказалось разведение индивидуальной и коллективной памяти, с одной стороны, и поиск механизмов их сопряжения, с другой. Проведение аналогий между ними могло привести к существенным ошибкам, однако столь же неоправданным было и рассмотрение их в отрыве друг от друга. По мнению О.В. Воробьевой и Ф.В. Николаи, несмотря на необходимость согласования разных видов памяти, чаще всего проблема возникает на уровне противопоставления автобиографической памяти и политики репрезентации опыта [5, с. 62].

Одной из перспективных стратегий решения обозначенной выше проблемы представляется использование когнитивных схем, функция которых заключается в соединении знания и символического кодирования имеющегося опыта (в данной области представленной в виде автобиографической памяти). Однако когнитивные схемы используются не только для решения указанной проблемы. А. Бейм отмечает, что данное понятие позволяет рассматривать два уровня взаимодействия: между людьми и культурными институтами, с одной стороны, и между индивидами — с другой. Он утверждает, что «все эти взаимодействия создают когнитивные схемы, которые люди используют, чтобы извлекать смысл из своего прошлого» [6, р. 8]. Исходя из этого, можно предположить, что благодаря им в коллективную память, присущую различным социальным группам и микро-обществам, интегрируются различные установки, которые впоследствии могут стать устойчивыми на национальном уровне. Так, по мнению Бейма, сложившаяся в 1970-х — 1980-х гг. на телевидении тенденция к проговариванию сложных тем Второй мировой войны,

основной из которых стала тема Холокоста, вызвала мощное общественное явление, названное «мемориальным бумом». Именно телевизионные передачи и фильмы (такие как «Шоа», «Последняя несправедливость» Клода Ланцмана) оказали влияние на переосмысление пережитого опыта очевидцев, которые до этого не делились воспоминаниями о трагичных днях своей жизни. Телевизионные передачи и документальные фильмы спровоцировали запись тысячи личных свидетельств различными институтами памяти. Таким образом, когнитивная схема позволила воспроизвести пережитый индивидуальный опыт и придала ему социальную форму, а позже и культурную значимость.

Когнитивные схемы имеют некоторые сходства с габитусами П. Бурдьё, являясь неосознаваемыми прагматическими привычками в повседневных практиках людей (т. е. наборами схем и актуальных символических ресурсов, интерпретируемых отдельными авторами) [7, с. 36–37]. При всей схожести необходимо, тем не менее, уточнить, что понятие когнитивных схем позволяет исследователю отойти как от социального конструктивизма, так и от психоаналитического бессознательного и, за счет обращения к ресурсам естественных наук, усилить верификацию исследуемого материала.

Попытки использования этих ресурсов предпринимаются, например, исследовательницей автобиографической памяти В. Нурковой, соединяющей в своих трудах культурно-исторический подход с работой когнитивных механизмов памяти — схематизации и конденсации. Схематизация позволяет отвлечься от специфики опыта путем его интеграции в систему коллективно разделяемых значений и смыслов. Конденсация же отвечает за «фотографические и характерные

воспоминания, представления о своей судьбе как целостности, а также феномена переживания целостного образа прошлого с максимальной смысловой насыщенностью — иллюзорного мгновенного жизненного обзора» [8, с. 70]. В. Нуркова считает, что автобиографическая память формируется за счет процесса социализации и коммуникации с другими субъектами, когда совместные воспоминания об определенном событии в жизни задают систематический запрос некоторыми индивидами, а также могут обсуждаться в любой социальной группе (семья, рабочий коллектив и пр.). Постепенно данные воспоминания трансформируются в интрапсихическую функцию (т. е. значение различается в зависимости от особенностей культуры и сложившихся нормативных сценариев) [9, с. 18].

В своих исследованиях В. Нуркова интересуется стратегиями интериоризации — влияния коллективных рамок, нарративных и семиотических структур на автобиографическую и индивидуальную память в целом, что зависит от топологии субъект-позиций, связывающих людей с историей [10, с. 11]. Исследовательница выделяет четыре позиции исторического опыта: участник, очевидец, современник, наследник. Свое предположение она подкрепляет моделью трехаспектной структуры сознания (чувственная ткань образа — значение — смысл), разработанной психологом А.Н. Леонтьевым. Исходя из нее, полагает исследовательница, «можно утверждать, что воспоминание Участника исторического события насыщено чувственной тканью образа и личностным смыслом, но дефицитарно в отношении значения. Воспоминание Очевидца исторического события насыщено чувственной тканью образа и значением, но дефицитарно в отношении личностного смысла. И, наконец, воспоминание

Современника исторического события насыщено значением личностным смыслом при дефиците чувственной ткани образа. Соответственно данной специфике и разворачивается активность субъекта по «дистраиванию» своего исторического опыта» [там же].

В обозначенном контексте ставится еще одна задача — анализ процессов «означивания» и «дистраивания» чувственной ткани образа [5, с. 65]. Означивание проявляется в работе с автобиографической памятью по методике «Линия жизни», предлагающей графическое изображение судьбы и анализ зафиксированных респондентами исторических событий [10, с. 24]. Дистраивание осуществляется при влиянии СМИ, ложных воспоминаний других людей (раскрывается в теории постпамяти М. Хирш, когда чужие воспоминания выдаются за свои) и исторических воспоминаний (теория нациестроительства Дж. Александера о выстраивании общих воспоминаний, основанных на крупном историческом событии, нарратив которого контролирует государство). В. Нуркова считает, что в современном обществе одним из ключевых медиумов для конструирования памяти становится фотография, которая задействует процессы социализации и индивидуализации личности, определяя ее идентичность в эпоху постмодерна. «Интерииоризация в ходе преобразования интерпсихической формы деятельности в интрапсихическую меняет фотографию, придавая ей символические свойства. Воспоминания о фотографиях становятся внутренними (интерииоризованными) средствами регуляции автобиографической памяти» [8, с. 79]. Таким образом, исследовательница обращает внимание на фиксированную когнитивную схему через фотографию, тем самым придавая ей зрительное воплощение.

Таким образом, в западных исследованиях в области memory studies память и идентичность часто конструируются через автобиографии посредством сложившихся когнитивных схем и культурных рамок, которые определяют национальный исторический нарратив. Упор в данном случае делается на символическом кодировании событий, вследствие чего процесс воспоминания всегда намного сложнее, чем запись на любом носителе информации. Именно поэтому память часто трактуется через культурологию и антропологию, хотя это не отменяет возможности использования этих ресурсов историками. Но есть и другие исследовательские программы, которые могут придать историческим исследованиям большую верифицируемость и достоверность.

Например, исследователь Э. Кандель предполагает, что память неразрывно связана с соотношением систем ориентации в мире и ощущением пространства, самостоятельностью, регулированием эмоций и планированием будущих действий. Поэтому Кандель пишет о взаимосвязи памяти и эмоций как о «сознательной когнитивной системе, дающей выбор возможных действий, а бессознательные механизмы эмоциональной оценки ограничивают этот выбор действиями, уместными в данной ситуации» [11, с. 184]. Эта концепция хороша тем, что позволяет связывать исследование эмоций с изучением механизмов работы памяти. Уже доказано, что в бессознательных проявлениях эмоциональных воспоминаний задействована имплицитная память, а в сознательном припоминании чувственных состояний — эксплицитная, значит, для него необходимо участие гиппокампа.

Это утверждение подтверждает психолог Д. Шактер, отмечая, что в процессе воспоминания мозг регистрирует детали прошлых событий. Хранение памяти

в головном мозге происходит в нескольких зонах, отвечающих за запоминание разного вида информации. В гиппокампусе и таламусе, по данным психолога, происходит наложение информации, что может создать ложные или ошибочные воспоминания. Воспоминания, провоцирующие конфликты внутри личности или вызывающие стресс, подавляются — они не нужны и мешают стабильной работе психики человека [12, р. 86].

На основе своих рассуждений о запоминании информации, ее наложении и процессе вспоминания Шактер выделяет три типа автобиографической памяти, выполняющих разные функции, связанные с системами нейроактивности:

- общие события — эти воспоминания приобретают привилегированный статус и легко вспоминаются благодаря семантической значимости и регулярно повторению;

- жизненные периоды человека, являющиеся опорой для автобиографической памяти;

- детали и мелкие события, сохраняющиеся благодаря эпизодической памяти, но ее работа является специфичной и избирательной за счет субъективных ассоциаций, обусловленных индивидуальным жизненным опытом [Ibid, с. 90].

Когнитивисты, в том числе, предлагают исследовать зависимость этих типов памяти от таких явлений, как рассеянность, внушаемость, информационная перегруженность и других внешних триггеров, импульсов, установок и психических предпосылок [5, с. 70]. И данные идеи могут оказаться весьма продуктивными для историков.

Еще одной важной задачей при работе с памятью является возможность верификации данных с помощью сбора психологических, социальных, нейробиологических данных и их анализ в исследованиях

социальной памяти. Необходимость такой верификации связана с примерами нарушения работы памяти. Историков, в частности, интересует проверка травматических для человека воспоминаний — т. н. «ложных воспоминаний», накопленных в результате переживания травматического опыта, который, в свою очередь, подчиняет эпизодическую память и влияет на создание неточной реконструкции воспоминаний, кажущихся точными в совокупности с другими [там же, с. 69]. Те самым происходит внедрение ложной истинности нарратива и когнитивной схемы свидетельства в историческое повествование, что затрудняет выстраивание истинной картины в истории.

Следует учитывать и тот факт, что целью памяти, по мнению исследователей О.В. Воробьевой и Ф.В. Николаи, является сохранение общего смысла произошедшего, точного фиксирования всех деталей делать не требуется, т. к. велика вероятность создания ошибочного текста, приводящего к искажению смысла. Все эти ошибки свидетельствуют о необходимости детализирования массивов данных воспоминаний для понимания вероятностных ограничений их соответствия реальности [там же]. Исследователи памяти обращают внимание на данную особенность и не исключают возможности ошибок в воспоминаниях, которые накапливаются под влиянием общественных групп, СМИ, национального нарратива в отношении травматического события прошлого.

Таким образом, нейронауки показывают, что память включена в сложный комплекс психических процессов, связанных с работой головного мозга, каждая из которых ответственна за обработку различных видов информации (зрительная, звуковая, ольфакторная, языковая и

символьная). Поступающие сигналы могут накладываться друг на друга и искажаться под влиянием различных факторов [13]. Учитывая данные когнитивистов и результаты исследования в области нейронаук, историки могут расширить инструментарий исследований памяти в исторической науке. Одним из первых историков, применявший когнитивные методы в своих исследованиях, стал американец Джей Винтер.

Когнитивный поворот в трудах Дж. Винтера

На сегодняшний день Джей Винтер, американский историк, культуролог, является ведущим специалистом в области исследования коллективной и культурной памяти британского общества о Первой мировой войне. В большинстве его трудов источниками являются литературные и художественные (фильмы, картины, памятки и пр.) произведения, а также воспоминания участников Первой мировой о боевых действиях. При помощи междисциплинарных подходов автор рассматривает влияние продуктов памяти на последующие поколения британцев. Важно использование Винтером когнитивных методов при анализе воспоминаний первого (участвовавших и переживших Первую мировую войну) и второго (участвовавших, переживших Вторую мировую войну и сравнивших ее с Первой мировой) поколений британцев.

В историографии Первой мировой войны в Великобритании первое поколение старались описывать историю войны как политико-дипломатическую проблему. История писалась сверху, с ориентацией на дипломатические документы, дневники генералов и дипломатов, при этом игнорируя воспоминания и взгляды младшего офицерского состава и солдат. Впервые к этой категории населения

обращаются писатели, раскрывающие проблемы, беспокоившие солдат во время войны. Несмотря на то, что эти произведения писались еще в военное время, пик их популярности наступил только в 30-е гг. XX в. До этого момента в истории превалировал дискурс высших чинов. Например, Винтер упоминает широко известного французского историка П. Ренувена, написавшего подробный отчет о Великой войне в межвоенный период, в котором утверждалось, что «показания солдат редко могут быть полезными для полноты понимания ведения военной операции, так как поле их зрения слишком узко для стратегического понимания» [14, р. 14]. Второе поколение исследователей, имеющие боевой опыт Второй мировой, воссоединили память о Первой мировой высших чинов и дипломатов с воспоминаниями простых солдат. Затрагиваемые Винтером поколения имели военный опыт, который могли впоследствии воспроизвести в культурных и исторических работах. Но многие из них подверглись воздействию боевого шока, контузий и ПТСР (посттравматический синдром расстройства), что в значительной степени повлияло на участников войны (также данный сюжет остался в культурной истории).

Когнитивные исследования боевых травм приобретают наибольшую популярность в 60–70-е гг. XX в. в США в связи с военным конфликтом во Вьетнаме. Одной из таких травм стала контузия. Джей Винтер впервые ввел данный термин в сравнительно-исторические исследования Первой мировой войны. Контузия, по мнению Винтера, является неотъемлемым элементом представлений о войне, т. к. с ее помощью современники могли создавать язык, которым выражали свое ощущение о военной повседневности. Память в данном смысле

представляет множество нарративов произошедшего события, в том числе психологические и травматические воспоминания во время и после конфликта [15, р. 8].

Бум памяти в 1980-е — 1990-е гг. Д. Винтер обуславливает популярностью внедрения ПТСР в дискурс о памяти и запоздалым признанием семейных травмирующих воспоминаний. Общественное восприятие памяти в XX в. стало неразрывно связано с понятием травмы, которая понималась как серьезный шок, блокирующий чувства [Ibid, р. 10]. Винтер считает, что понятие «травматическая память» следует относить к продукту Первой мировой войне, катализатором которой стало явление shell shock. Осмысление опыта Первой мировой помогло создать язык для описания травмирующих воспоминаний жертв, который будет использоваться и для описания других военных конфликтов.

Контузию Винтер выделяет в качестве посреднической системы между солдатами, участвовавшими в боях, и врачами в тылу, между ветеранами и их семьями, неспособных понять друг друга. Вторая группа является наиболее подходящим кейсом для создания метафизической системы влияния контузии на воспоминания о Первой мировой войне [16, р. 147]. В ходе своего исследования Винтер определяет термин «контузия» как специфический для Британии в плане основного маркера в культурной памяти Первой мировой войны. «Контузия» в культурной памяти стала в некотором смысле метафорой Первой мировой. В Великобритании межвоенного периода контуженными называли ветеранов, вернувшихся с войны с диагнозом «неврастения» — состояние, возникшее в результате психологической уязвимости головного мозга. Пострадавших от нее длительное время не могли признать легитимными

подданными, чтобы те могли получать медицинскую помощь, а также участвовать в политической жизни страны [Ibid, р. 150]. Эту категорию Винтер относит к такому социальному, а позже и культурному явлению, как «Потерянное поколение».

Винтер — один из первых исследователей, который объединил культурную память о Первой мировой и когнитивные исследования боевых травм этой войны. Он предположил, что «потерянное поколение» стало ощутимым социальным и демографическим явлением в Великобритании. В культурной памяти «потерянное поколение» не оправилось от военного шока: британские поэты и писатели, писавшие о психологических травмах, с которой знакомы все части британского общества, закладывали этот маркер в идентичность британцев [17, р. 21]. Произведения таких авторов/писателей, как Р. Оуэн, З. Сассун, музыканта А. Герни, являются частью истории психологической травмы Великой войны, которые передавались последующим поколениям [Ibid, р. 89]. Тем самым с течением времени складывается система забвения многих индивидуальных воспоминаний, но память о травмах в культурных произведениях сохраняется и становится своеобразным ключевым паттерном в теме участия Великобритании в Первой мировой войне. Таким образом, Винтер интегрирует когнитивные травмы, дисфункции в память не только отдельных британцев или социальных групп, но и в историю самой войны.

Помимо работы с культурной памятью, Винтер также пытается разобраться в работе когнитивных схем при работе с памятью. Он говорит о воспоминаниях как о биохимическом и неврологическом процессах, каждый из которых имеет идентификацию в memory studies. На основе

этих процессов исследователь выделяет два вида фиксирования воспоминаний в головном мозге: первый — эпизодическая память, второй — долговременная [16, р. 36]. Эти виды различаются по плотности запомиаемой информации и времени (эпизодическая запоминает яркий короткий момент, долговременная — последовательность эпизодов). Под плотностью Винтер понимает все воспоминания, определенные опытом индивида, его уникальностью, эмоциональным характером переживания события. Плотность, по мнению исследователя, является характерной чертой автобиографической памяти, которая является более точной, нежели коллективная, культурная и историческая [Ibidem].

Однако ученый признает, что долговременный вид памяти не способен наиболее точно передать события давно минувших дней. Психологи называют данное явление затемнение памяти — когда закодированные следы памяти изменяют форму, затмевают старые следы памяти. При активном внешнем вмешательстве возникает дополненная память, которая формирует ощущение контекста происшедших событий и экстраполирует его на индивидуальный опыт человека.

Следы памяти, как установил Винтер, имеют избирательный характер, который заключается в сокращении одного или нескольких упорядоченных аспектов пережитого опыта. В данном процессе может происходить переинтерпретация воспоминаний, которые могут быть заменены как другим личным опытом, так и позаимствованы из внешних источников. Внешние влияния могут нарушить воспоминания отдельного человека, убеждая его в том, что истинность определенных представлений или реальность определенных событий может быть навязана культурными продуктами, воспомина-

ниями других людей и сообществ. Винтер также подметил, что исказить гораздо проще визуальное воспоминание, чем словесное [14, р. 44]. Но в обоих случаях вмешательство действует путем манипулирования фактами, которые имеют явный резонанс для автобиографической памяти и во многом зависят от культуры. Результатом становятся новые формы воспоминаний, которые объединяют фрагменты информации, используемые при интерпретации воспоминаемого события. Такие интерпретации могут кардинально отличаться от первоначальной формы запоминания человеком, не говоря уже о самом происшедшем событии.

Заключение

На сегодняшний день в *memory studies* все известные виды памяти сформированы в результате взаимодействия между индивидами и их социального, культурного и исторического окружения. Изучение взаимодействий требует создания новых методов работы с данными, основу которых должно составить междисциплинарное поле когнитивных и исторических наук. С помощью нейропсихологических исследований невозможно исследовать прошлое, но когнитивные методы могут помочь объяснить, как воспоминания могут корректировать понимание истинности исторического факта. Создание новых методов требует переосмысления междисциплинарных исследовательских схем, понятий и приводит к обновлению дискурса в области *memory studies*.

Джей Винтер, обращаясь к исследовательскому аппарату когнитивных наук, смог обозначить и фреймировать в своих трудах три поколения британцев, которые интерпретируют воспоминания о Первой мировой, включая в нее память других участников/актеров войны, со временем интегрирующуюся в культурную и

историческую память британской нации. В основу культурной памяти о войне исследователь кладет «контузию» как вид боевой травмы, которой подверглось большинство участников войны и которая была широко описана британскими писателями в межвоенный период. При написании истории о Первой мировой войне британскими исследователями, участвовавших во Второй мировой войне, «контузия» становится маркером общенациональной памяти о трагическом событии, став важным звеном формирования современной британской идентичности.

Винтер также пытается разобраться в когнитивных схемах работы с памятью, интегрируя их в структуру работы с культурной памятью. В результате исследования американский исследователь приходит к выводу, что внешнее влияние может нарушать процессы запоминания

и хранения информации отдельного человека, искажая изначальную истинную форму события. В результате появляются новые формы воспоминаний, объединяющие в себе синтезированные фрагменты памяти прошедшего события.

Использование когнитивного поворота в трудах Джея Винтера не является основным способом исследования памяти о Первой мировой войне в Британском обществе. Однако выделение особой роли термина «контузия» в культурной памяти британцев и рассмотрение данного явления не только с медицинской, но также и с культурной, социальной и исторической точки зрения, позволило Винтеру и другим исследователям по-другому взглянуть на значение Первой мировой в процессе формирования культурной, исторической памяти в Великобритании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер, Дж.* Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // *Инженерная психология* / под ред. Д.Ю. Панова, В.П. Зинченко. М.: Прогресс, 1964. С. 225–237.
2. *Хомский, Н.* Три модели для описания языка // *Кибернетический сборник*. 1961. Вып. 2. С. 237–266.
3. *Ньюэлл, А., Шоу, Дж., Саймон, Г.* Моделирование мышления человека с помощью электронно вычислительных машин // *Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления* / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
4. *Баксанский, О.Е., Кучер, Е.Н.* Познание познания: когнитивные науки // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2006. Т. 7. № 1. С. 148–170.
5. *Воробьева, О.В., Николаи, Ф.В.* Когнитивный поворот в исторической науке: проблемы, подходы, перспективы // *Когнитивные науки и историческое познание. Коллективная монография* / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. 372 с. С. 10–88.
6. *Veit, A.* The Cognitive Aspects of Collective Memory // *Symbolic Interaction*. 2007. Vol. 30. Iss. 1.
7. *Бурдые, П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
8. *Нуркова, В.В.* Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 7. № 2. С. 64–82.
9. *Нуркова, В.В.* Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиции культурно исторического подхода // *Культурно-историческая психология*. 2008. №.1. С. 17–26.

10. Нуркова, В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
11. Кандель, Э.Р. В поисках памяти: возникновение новой науки о человеческой психике. СПб.: Астрель, 2012. 736 с.
12. Burianova, H., Chery, L. Grady, Common and Unique Neural Activations in Autobiographical, Episodic, and Semantic Retrieval // *Journal of Cognitive Neuroscience* 2007. Vol. 19. №. 9.
13. Фрид, Й. Память и историческая наука [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/19510> (дата обращения: 17.10.2022).
14. Winter, J., Prost, A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 250 p.
15. Winter, J. Shell-Shock and the Cultural History of the Great War // *Journal Contemporary History*. 2000. Vol. 35. № 1. P. 7–11.
16. Winter, J. *Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century*. London: Yale University Press, 2006. 340 p.
17. Winter, J., Sivan, E. *War and Remembrance in the Twenty Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 262 p.

REFERENCES

1. Miller, J. Magicheskoe Chislo Sem Plus ili Minus Dva. O Nekotoryh Predelah Nashei Sposobnosti Pererabativat Informaciu [The Magic Number is Seven Plus or Minus Two. About Some Limits of Our Ability to Process Information], *Engineering Psychology*, ed. by D.Y. Panov, V.P. Zinchenko. Moscow, Progress, 1964, pp. 225–237. (in Russ.)
2. Chomsky, N. Tri Modely Dlya Opisaniya Yazika [Three Models for Describing Language], *Cybernetic Compilation*, 1961, No. 2, pp. 237–266. (in Russ.)
3. Nyuell, A., Show, J., Saymon, G. Modelirovanie Myshleniya Cheloveka s Pomoshyu Elektronno Vycheslitelnyh Machin [Modeling of Human Thinking with the Help of Electronic Computers]. In: *Reader in General Psychology. Psychology of Thinking*, ed. by Y.B. Gippenreiter, V.V. Petuhova. Moscow, Moscow University Press, 1980. (in Russ.)
4. Baksanskiy, O.E., Kycher, E.N. Poznanie Poznania: Kognitivnie Nayki [Knowledge of Cognition: Cognitive Sciences], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2006, vol. 7, No. 1, pp. 148–170 (in Russ.)
5. Vorobieva, O.V., Nikolai, F.V. Kognitivnyi Povорот v Istoricheskoi Nayke: Problemy, Podhody, Perspektivy [Cognitive Turn in Historical Science: Problems, Approaches, Prospects]. In: *Cognitive Sciences and Historical Knowledge. Collective monograph*, ed. by O.V. Vorobieva, G.I. Zvereva. Moscow, Akvilon. 2020, 372 p. (in Russ.)
6. Beim, A. The Cognitive Aspects of Collective Memory, *Symbolic Interaction*, 2007, vol. 30, Iss. 1.
7. Byrdie, P. *Sociologia Socialnogo Prostranstva* [Sociology of Social Space], transl. with French; ed. by N.A. Shmatko. Moscow, Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg, Aleteya, 2007, 288 p. (in Russ.)
8. Nyrkova, V.V. Avtobiographicheskaya Pamyat v Optike Kylturno-Istoricheskoy i Deyatel'nost'noy Metodologii [Autobiographical Memory in the Optics of Cultural-Historical and Activity Methodology], *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2010, Vol. 7, No. 2, pp. 64–82. (in Russ.)
9. Nyrkova, V.V. Analiz Fenomenologii Avtobiographicheskoy Pamyati s Pozicii Kylturno Istoricheskogo Podhoda [Analysis of the Phenomenology of Autobiographical Memory from the

- Position of the Cultural-Historical Approach], *Cultural-Historical Psychology*, 2008, No. 1, pp. 17–26. (in Russ.)
10. Nyrkova V.V. Istoriya Kak Lichny Opyt [History as a Personal Experience], *Historical Psychology and Sociology of History*, 2009, No. 1, pp. 5–27. (in Russ.)
 11. Kandel, E.R. *V Poiskah Pamyati: Vozniknovenie Novoi Nayki o Chelovecheskoi Psihike* [In Search of Memory: the Emergence of a New Science of the Human Psyche]. Saint Petersburg, Astrel, 2012, 736 p. (in Russ.)
 12. Burianova, H., Chery, L. Grady, Common and Unique Neural Activations in Autobiographical, Episodic, and Semantic Retrieval, *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2007, vol. 19, No. 9.
 13. Fried, J. *Pamyat i Istoricheskaya Nayka* [Memory and Historical Science]. Available at: <http://gefter.ru/archive/19510> (accessed: 17.10.2022) (in Russ.)
 14. Winter, J., Prost, A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 250 p.
 15. Winter, J. Shell-Shock and the Cultural History of the Great War, *Journal Contemporary History*, vol. 35, No. 1. 2000, pp. 7–11.
 16. Winter, J. *Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century*. London, Yale University Press, 2006, 340 p.
 17. Winter, J., Sivan, E. *War and Remembrance in the Twenty Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 262 p.

Снигирев Сергей Алексеевич, аспирант, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, sergey199719@mail.ru

Sergey A. Snigirev, Postgraduate Student, Historical and Theoretical Research Department, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, sergey199719@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2022. Принята к публикации 04.11.2022

The paper was submitted 07.10.2022. Accepted for publication 04.11.2022